

18+

Бира Эль

РАЗРЕШЕНИЕ на ЖИЗНЬ

Вира Эль

Разрешение на жизнь

«Издательские решения»

Эль В.

Разрешение на жизнь / В. Эль — «Издательские решения»,

Жизнь, которой можно позавидовать со стороны, оказывается ловушкой. Переезд во Францию, любовь и красивая жизнь постепенно оборачиваются изоляцией, давлением и сильнейшим контролем. Героиня всё яснее понимает: она теряет не только отношения, но и саму себя. Когда становится очевидно, что дальше так жить нельзя, она решается на побег. Но выйти из этой истории оказывается сложнее, чем она могла представить: ей предстоит разорвать зависимость, вернуть себе право выбирать и начать жизнь заново.

© Эль В.

© Издательские решения

Разрешение на жизнь

Вира Эль

© Вира Эль, 2026

ISBN 978-5-0071-3363-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Свет из окна цеплялся за грани камня и приковывал взгляды.

Я всё ещё привыкала видеть его на своей руке.

— Настоящий бриллиант?

Я заметила, как подруги переглянулись — не быстро, не поверхностно. Будто пытаюсь понять не ценность кольца, а то, что за ним стоит.

— Он... серьёзный, — тихо и уверенно констатировала та, что в этот момент рассматривала камень.

— Этот мужчина француз?

Я улыбнулась чуть заметно.

— Да.

— Как вы нашли друг друга?

— На каком языке вы разговариваете? — вопросы сыпались один за другим.

— Наше знакомство случилось благодаря моему путешествию по Испании год назад. Мы неплохо общаемся на английском, а когда слов не хватает — нас выручает переводчик. Сейчас я изучаю французский.

Но мы удивительно легко понимаем и чувствуем друг друга, иногда даже без слов. В сложных ситуациях мы разговариваем, обсуждаем спорные моменты и находим компромисс. Для меня это очень важно. Мне нравится, что он умеет слышать меня, уважает мой выбор и мои решения. И я отвечаю ему взаимностью, — я тогда ещё не знала, что уверенность может звучать так спокойно только перед тем, как внутри неё появится первая трещина.

— Ты не боишься вот так всё бросить и уехать к нему на другой конец света?

— Не боишься начинать всё сначала вдали от родины? — наперебой спрашивали мои подруги. Но я чувствовала в них не давление, а интерес, тепло и заботу.

— Нет, — ответила я слишком спокойно, чтобы это было бравадой. Скорее как факт, который уже устоялся.

— Это кольцо и его приезд сюда говорят о серьёзности его намерений и об ответственности, — рассуждали девчонки вслух.

— ...и о том, что он явно не бедный, — своевременная шутка словно сняла напряжение, повисшее в воздухе, и все заулыбались. — Ты не будешь ни в чём нуждаться. Займёшься творчеством и будешь путешествовать — всё, как ты мечтала.

— Для меня гораздо важнее проявление его тепла, внимания и заботы, его бережное отношение ко мне. Мне не нужно с ним притворяться. Я чувствую его искренний интерес к тому, какая я настоящая. Рядом с ним мне не нужно заслуживать любовь. Он всегда знает, как лучше, и умеет это организовать. И от этого очень спокойно.

— А как же твой диабет? Тебе ведь нужно постоянно принимать инсулин и следить за своим сахаром.

— Он обещал обо всём позаботиться и уже купил какой-то высокотехнологичный датчик, который крепится на руку и постоянно контролирует сахар. И я возьму с собой немного инсулина на всякий случай.

— Такая забота способна покорить кого угодно, — резюмировали подруги.

— Не будешь скучать по своим студентам и по вашему творчеству?

Я улыбнулась.

— Уже скучаю.

На мгновение перед глазами возникла мастерская: заточенные карандаши в жестяных банках, графитовая пыль на пальцах, перепачканные руки учеников, их сосредоточенные лица, когда вдруг начинало получаться то, что ещё вчера казалось невозможным.

— Но я надеюсь, что найду своё место и там.

— А если... — начала самая осторожная из них и не договорила. Я поняла вопрос и без окончания. Ответила сразу, без паузы:

— Я уже решила. Я чувствую в нём настоящую опору и хочу построить рядом с ним новую жизнь во Франции.

На секунду повисла тишина — воздух словно чуть уплотнился.

И в этой тишине я почувствовала самое ясное: я не убеждаю их. Я просто живу внутри уже принятого выбора — и мне кажется, что сомнений там уже нет.

Я ловлю себя на том, что машинально поглаживаю кольцо и возвращаюсь мыслями в то время, когда показывала его подругам и своим родным, рассказывая им об удивительном мужчине из далёкой Франции. Настолько искреннем, любящем и заботливым, что я легко приняла решение оставить свою привычную жизнь и уехать, чтобы быть с ним...

В последнее время я всё чаще касаюсь кольца, сама того не замечая — словно, прикосновением к холодному металлу всё ещё пытаюсь удержать то ощущение близости, доверия и поддержки, которое я связывала с ним. Для меня оно не просто украшение, а символ опоры и надёжности.

— Я люблю тебя так сильно, что это похоже на волшебство, — говорил мне он. — И я сделаю всё, чтобы ты была счастлива рядом со мной.

— Я с нетерпением жду нашей встречи, — отвечала я, глядя в его добрые, искрящиеся теплом и любовью глаза во время видеозвонка. В тот момент я уже представляла, как буду говорить по-французски почти без акцента через год, как мы будем встречать друзей в нашем уютном гнёздышке...

Тогда нас разделяли тысячи километров. Но мне казалось, будто мы не выпускаем друг друга из объятий.

Так много тёплых слов, внимания, участия и поддержки во всём. Так много чудесных планов на совместную жизнь.

Родные тревожились о том, как у меня всё сложится вдали от родного дома, от близких и друзей, от всего, к чему я так привыкла. Но страха я не чувствовала — рядом с ним будущее казалось мне спокойным и надёжным. Я шла в новую жизнь с ощущением, что она уже почти собрана — осталось только зайти в неё.

И вот — перелёт, жаркие объятия после долгой разлуки, маленький старинный городок и мой новый дом, наполненный теплом, заботой и нежностью...

Он предложил как можно скорее зарегистрировать наши отношения и заняться оформлением моего статуса. Я полностью доверилась ему, ведь он лучше знает эту страну и её законы.

Срок моей визы был всего три месяца, и вскоре мне пришлось бы вернуться туда, где осталась вся моя прежняя жизнь, чтобы снова оформить право на пребывание во Франции.

Но мой любящий муж предложил другой вариант, который исключал наше расставание: — Мы подадим заявление на ВНЖ, и ты немного побудешь здесь без документов, в обход формальностей. А потом получишь необходимые бумаги и сможешь начать работать, если захочешь.

Чуть больше трёх месяцев — это совсем немного. Я буду заботиться о тебе и сделаю всё, чтобы ты была счастлива рядом со мной, — обещал он. — Моя дорогая, решать тебе. Я не хочу на тебя давить. Мне так хорошо с тобой... и трудно представить, что тебя не будет рядом.

Я с восхищением слушала, как здорово он всё придумал. У меня не было ни малейших сомнений в его надёжности и стабильности его доходов — я согласилась без долгих раздумий. Ведь он всегда знает, как лучше.

Через несколько недель после свадьбы он вдруг заговорил об экономии.

В тот период я постепенно превращала его холостяцкую берлогу в наше уютное гнёздышко — осторожно, почти на ощупь, как будто боялась нарушить чужой порядок. Раньше он постоянно восхищался моим умением создавать красоту в пространстве и не раз признавался, что мечтал когда-нибудь наполнить наш общий дом той же теплотой и гармонией, которые когда-то покорили его в моей квартире на далёкой родине.

Но теперь любое предложение что-то поменять словно сталкивалось с невидимой стеной: он либо уходил от темы, либо отвечал так, будто я просила лишнего.

Первый серьёзный неприятный разговор произошёл после того, как я предложила сменить шторы в нашей спальне.

В тот момент я реставрировала старинную статуэтку Девы Марии с младенцем на руках. Эта вещь осталась ему от покойной матери.

Я старалась выполнить работу как можно бережнее, восстанавливая не только хрупкую статуэтку, но и следы времени, которые хранили память о его матери.

Тонкая кисть скользила по потемневшей краске. Я почти не дышала, боясь одним неверным движением повредить то, что пережило десятки лет.

Раньше он любил наблюдать за моей работой. Иногда садился рядом и подолгу смотрел, как под кистью постепенно проступают детали.

Но не в тот раз.

— Мы не можем позволить себе всё, чего ты хочешь, — неожиданно произнёс он с раздражением в голосе.

Я растерялась, потому что для себя я ничего не просила.

— Ты знаешь, какой у меня доход и сколько у нас остаётся после выплаты всех кредитов и оплаты коммунальных счетов?

— Нет, не знаю, — ответила я. — Ты никогда не говорил мне об этом. Но всегда утверждал, что у тебя всё под контролем и я могу быть спокойна.

— Так смотри же! Вот все счета, — он уже переходил на крик.

Я просто замерла, пытаюсь понять, чего он от меня хочет.

— Мы должны экономить! И покупать только самое необходимое, — продолжал он.

И в этот момент мне показалось странным не то, что он злится, а то, как быстро в нём исчезает прежняя мягкость, будто она никогда не была частью его характера.

Я молча смотрела на него. Разговор шёл всего несколько минут, но у меня возникло странное ощущение, будто решение уже принято без меня, а мне только сообщают его условия.

— Почему ты говоришь мне об этом только сейчас?

— Потому что теперь мы семья, и ты должна об этом знать...

Не помню, сколько длилось моё оцепенение. Может, час, может, два.

Я машинально проводила кистью по статуэтке, просто чтобы хоть как-то сохранить связь с реальностью.

Наверняка произошло что-то серьёзное.

Я почти автоматически искала ему оправдание.

Он никогда не разговаривал со мной так раньше. Всегда давал понять, что деньги для него не проблема. Всегда подчёркивал, как ценит моё мнение.

Мне хотелось верить, что это случайность. Что скоро его привычное спокойствие вернётся.

— Я очень ценю всё, что ты для меня делаешь... — сказала я тихо. — И всё, что ты делаешь для нас. Мы справимся...

Я сказала это так, будто произнесённые слова могли удержать нас от распада.

Шло время. Срок моей визы закончился, и теперь мне приходилось жить в этом подвешенном, полулегальном состоянии, ожидая документы.

Я делала всё возможное, чтобы поскорее адаптироваться здесь, но постоянно испытывала растерянность и стыд. Я ещё не очень хорошо ориентировалась в городе и местных магазинах, часто просила его объяснить мне что-то или подсказать — и это вызывало чувство, будто я не справляюсь. Всё чаще я ощущала его раздражение на мои вопросы или просьбы, и оттого мне казалось, что со мной что-то не так — я слишком много прошу. Даже если мне нужно было просто пояснение. И я начала заранее редактировать себя ещё до того, как что-то сказать.

Я понимала, что не была готова к такому. Рядом не оказалось ничего из того, что прежде казалось мне естественной частью жизни. Ничего, что давало мне уверенность, ощущение самостоятельности и внутренней опоры.

Я нуждалась в помощи больше, чем хотелось бы признавать.

Я стыдилась этой нужды. Особенно стыдно было просить купить мне что-нибудь. Его реакция словно лишала меня разрешения на потребность в поддержке.

Возможно, таким образом он хотел сказать мне: «Ты справишься».

А мне хотелось услышать: «Я рядом».

Муж никогда не контролировал мои передвижения и не запрещал мне выходить из дома. Напротив, он часто говорил, что я могу идти куда угодно и делать всё, что захочу. Только со временем я заметила странную вещь: без него мне почти некуда было идти. Я знала несколько знакомых маршрутов — короткая прогулка по окрестностям, автобус до пары привычных мест, — и на этом мой мир заканчивался. Формально я была свободна, но эта свобода существовала лишь на словах. Всё остальное по-прежнему проходило через него. Меня угнетало то, насколько незаметно моя жизнь сузилась до пространства, в котором без него я почти не знала, куда себя деть.

Мне казалось, что моя беспомощность и зависимость постепенно создают между нами напряжение, которого раньше не было. Я чувствовала себя виноватой в этом, ругала себя за слабость. Надеялась, что, когда у меня появится своя жизнь, работа, деньги и круг общения, между нами снова появится та лёгкость, которая когда-то казалась такой естественной.

Я усердно изучала французский язык, но постоянно ощущала, что моих усилий пока недостаточно, чтобы это переросло в живое знакомство, в случайный разговор на улице, в новую дружбу. Сама замечала, что говорю осторожнее и медленнее, чем привыкла, — бережно нащупывая слова там, где на родном языке они всегда приходили сами.

Я чувствовала себя маленьким потерянным ребёнком, для которого необходимость всё время уточнять, переспрашивать и осторожно подбирать слова становится почти обязательным условием существования среди других людей.

Это ощущение незаметно выходило далеко за пределы языка: появлялось в неуверенности пойти одной в незнакомое место, в растерянности перед самыми простыми бытовыми вещами, в постоянной внутренней настороженности — правильно ли я поняла этот мир и смогу ли справиться?

В такие моменты я чувствовала, как меняется мой голос, становясь менее уверенным и твёрдым. Как вместе с лёгкостью речи исчезает и ощущение внутренней опоры.

Всё чаще мне до боли не хватало возможности говорить, не думая, — быстро, свободно, оставаясь самой собой.

И чем тише становился мой собственный голос внутри, тем сильнее я замечала перемены между нами.

Провести лето на юге Франции в объятиях любимого мужчины — что может быть романтичнее?

Я всегда обожала море и была уверена, что самые счастливые люди живут непременно рядом с ним. Раньше я часто представляла наши летние прогулки по морскому побережью. Нежные объятия и тёплый любящий взгляд. Бесконечные разговоры за столиками кафе. Океан заботы и ласковых прикосновений...

В конце весны я начала выезжать к морю — туда, куда могла добраться на автобусе. Муж всё чаще был занят, а я не хотела его беспокоить. Я просто прогуливалась одна и смотрела на морской прибой. Меня это всегда завораживало и успокаивало.

Но однажды он пригласил меня на прогулку и показал удивительный пляж с белым песком и живописной скалой, уходящей в солёные волны. Извилистое дерево на самом краю этой скалы восхитило меня тогда своим изяществом и силой. Оно казалось мне нарисованным талантливейшей рукой художника, который влюблён в море, как и я. Словно так он мог любоваться им постоянно.

Помню, как стояла босиком у воды и не могла оторвать взгляд от скалы, о которую разбивались солёные волны, снова и снова накатывая с ровным, завораживающим ритмом. От дерева, выросшего у самого обрыва, — оно застыло так, будто удерживало равновесие между ветром и морем. От птицы, которая сидела неподвижно, словно растворилась в этом пространстве и просто наблюдала за горизонтом, не отделяя себя от него.

Всё вокруг казалось слишком живым и одновременно слишком нереальным, чтобы принадлежать обычному дню.

По дороге домой я не могла сдержать эмоции. Я говорила о том, каким красивым мне показалось это место, как долго я могла бы сидеть там и просто смотреть на горизонт. Благодарю мужа искренне, с теплом, которое трудно скрыть. И чем больше говорила, тем сильнее мне казалось, что получила от него что-то гораздо большее, чем могла ожидать от обычной прогулки.

Он улыбался с видом щедрого благодетеля, позволяя мне восхищаться его поступком, и обещал как-нибудь привезти меня туда снова. Этот пляж будто существовал в другой реальности — там, где не ходят автобусы и где я не свободна выбирать, когда туда возвращаться.

Я говорила о нём часто. Не просила, так как знала, что мои просьбы вызывают недовольство. Но рассказывала о живописных деталях так, словно рисовала тот пейзаж. Муж слушал внимательно и лишь иногда говорил: «Как-нибудь съездим туда».

Временами, когда между нами было всё хорошо, он неожиданно предлагал отправиться в этот райский уголок. Сообщал коротко и почти буднично: сегодня можем поехать на тот пляж. Я не задавала лишних вопросов и мгновенно начинала собираться. Словно любое промедление способно было отменить само существование этого «сегодня».

И мне казалось, что если не спорить, не просить ни о чём и не настаивать, то однажды снова придёт сообщение: «Сегодня поедem». И я просто должна быть готова.

Постепенно наши поездки становились всё реже, всё немногословнее.

Мы молча ехали, молча сидели там. Порой я чувствовала себя его обязанностью — не радостью, не желанием, а просто... обязанностью. Но у меня была возможность любоваться пейзажем и наслаждаться близостью моря.

Романтика исчезала из наших отношений так быстро, что вскоре я начала сомневаться, была ли она вообще.

Я не могла объяснить эти перемены словами. Они всё чаще проявлялись в теле — в напряжении плеч, в осторожности собственных интонаций, в странной тревоге, которая появлялась раньше его слов.

Наша первая серьёзная ссора казалась мне просто неудачным разговором. Одним из тех, после которого люди снова находят друг для друга тепло и нужные слова.

Мы что-то обсуждали — кажется, дом, какие-то мои идеи или мелочи, которые были для меня важны.

Вдруг я заметила, как у него меняется лицо. Напряжение в челюсти, короткие раздражённые ответы, повышение тона голоса. А потом — внезапно — он просто оборвал разговор и ушёл в другую комнату.

Так резко, что на несколько секунд я словно замерла посреди фразы.

Я решила, что ему нужно время немного остыть. А потом сама подошла к нему — спокойно, осторожно, как человек, который всё ещё верит, что близость строится через разговор.

Я помню, как говорила ему, что нам важно обсуждать всё, что тревожит нас обоих. Что только так можно понять друг друга и найти компромисс.

Когда-то он сам учил меня этому — повторял, что в отношениях нельзя замалчивать проблемы, что нужно разговаривать обо всём. Наверное, ещё и поэтому я так доверяла ему. Мне казалось, рядом с ним можно будет не бояться сложных разговоров и недопонимания.

Поначалу мы действительно пытались. Иногда даже использовали переводчик, чтобы точнее понять друг друга. Я просила его говорить медленнее, потому что на эмоциях его французские фразы рассыпались в моей голове быстрее, чем я успевала удержать их смысл.

На родном языке я могла бы объяснить всё гораздо лучше — яснее и увереннее. Но на французском мои мысли будто распадались раньше, чем успевали обрести форму.

Благодаря переводчику моя речь звучала решительно и весомо. Без него — слабо, сбивчиво, почти виновато.

Но постепенно он начал раздражаться и на это тоже.

Сначала — начинал говорить всё быстрее, будто не замечая, что я не успеваю за ним.

Потом отказывался открывать переводчик.

Я просила замедлиться — он не замедлялся.

Я пыталась подобрать слова — он уже отворачивался.

Потом — перестал объяснять.

Потом — вообще оставаться в диалоге.

Любой разговор, в котором появлялось напряжение, заканчивался одинаково: его голос становился резче, а потом он просто вставал и уходил.

И я оставалась одна — среди недосказанных фраз, чужого языка и растущего чувства, что между нами возникает незримая холодная стена.

Я так ждала его отпуск...

Мы женаты всего полгода, но кажется, будто между нами уже выросла стена холода и отчуждения.

У нас всё меньше общих тем и живого общения. Всё больше придирок с его стороны. Всё чаще я чувствую себя чужой в его доме.

Мне казалось, что если мы проведём больше времени вместе, то прежнее тепло вернётся. Как будто его можно вернуть, если просто быть рядом достаточно долго...

— Моя дорогая, если тебе так интересны Флоренция и Рим, то мы обязательно поедem туда в первый же отпуск, когда ты приедешь ко мне, — говорил он мне, когда я ещё лишь раздумывала о том, готова ли я ехать к нему.

И вот я во Франции.

И вот он — наш первый отпуск после свадьбы.

Я вдруг ясно вспомнила тот вечер: его голос, мягкий французский акцент, с которым он произносил названия городов, будто уже показывал мне их.

— Флоренция тебе понравится, моя дорогая. А в Риме мы будем гулять вечерами, когда не так жарко.

И я нисколько не сомневалась в этом.

В тот период он легко мог предложить мне провести выходные, например, в Турции, куда не нужна была шенгенская виза. Конечно же, я соглашалась.

Он быстро покупал билеты, бронировал отель, и уже через несколько дней мы наслаждались жаркими объятиями, подолгу сидели в уютных вечерних кафе, не могли насмотреться друг на друга, надышаться этой близостью.

Тогда мне казалось, что впереди у нас целая жизнь, полная дорог, света, разговоров и открытий.

Наверное, сейчас, начиная этот разговор, я всё ещё надеюсь снова почувствовать между нами то тепло, которое когда-то казалось таким живым и настоящим.

— Твои документы всё ещё не готовы, и ты не можешь покидать пределы страны. Отложим нашу поездку.

Внутри меня медленно начинает что-то сжиматься.

— Но у нас есть возможность посетить интересные города Франции. — Я предлагаю это с горящими глазами в надежде на его поддержку. — Мы будем гулять на закате, взявшись за руки, как тогда в Анталии... это было незабываемо...

Париж он отмечает сразу. Жёстко и резко.

— Слишком дорого.

Марсель, Страсбург и Грасс тоже исчезают из разговора почти мгновенно.

Голос становится холоднее. Будто я снова хочу чего-то невозможного.

Я замолкаю и почти автоматически жду его решения за нас двоих. Это ожидание его выбора постепенно начинает заменять мне собственное чувство направления.

— Возможно, это будет какой-нибудь небольшой городок поблизости, — говорит он, и я понимаю, что решение примет сам, без меня.

Я ловлю себя на ощущении, что это подкачка, а не путешествие для нас обоих.

— Может, Арль? Это совсем рядом... там жил и писал свои знаменитые картины Ван Гог, — осторожно предлагаю я, стараясь говорить легко и воодушевлённо.

Я уже знаю: если показать слишком много интереса, он посмотрит на меня этим своим тяжёлым взглядом, будто мои желания — очередная проблема, которую ему приходится терпеть.

Поэтому я произношу это очень бережно и осторожно. Как человек, который заранее пытается уменьшить собственную просьбу.

Но внутри что-то медленно оседает.

Разочарование приходит не сразу — как будто сначала в груди становится чуть теснее, и только потом я понимаю, что уже дышу иначе.

— Подумаю, — снисходительно говорит он.

Я соглашаюсь.

Потому что сейчас я всё ещё не работаю.

Потому что, возможно, это разумно.

Потому что я не хочу спорить.

И всё же я чувствую это очень ясно: я снова выбираю меньше, чем мне важно. Снова соглашаюсь на эмоциональные крохи только потому, что боюсь остаться совсем без ничего.

Молча опускаю глаза, но, видимо, он прочитал в моём взгляде тоску и разочарование.

Он заводится очень быстро.

И вот снова крик и обвинения в том, что я всегда всем недовольна.

Что мне всегда мало.

Я продолжаю молчать.

И в этой тишине я снова чувствую, как уменьшаюсь рядом с ним.

Становлюсь тише, осторожнее, незаметнее. Будто мои желания, эмоции и даже сам голос постепенно начинают занимать слишком много места в его мире.

Я так надеялась, что отпуск нас сблизит.

Но рядом с ним я чувствую себя всё более одинокой.

Всё чаще я слышу в его голосе придирки и раздражение — и почти сразу чувствую себя маленькой беспомощной девочкой.

В этом городе у меня нет друзей и знакомых.

Он — единственный источник живого общения для меня.

Единственный живой голос рядом.

Но всё чаще в его интонациях я слышу недовольство. После этого почти всегда приходит молчание.

И я начинаю бояться самой мысли о том, чтобы что-то сказать.

Я чувствую, будто сжимаюсь...

Меньше желаний и слов о том, что волнует меня по-настоящему.

Меньше места в разговорах и в собственной жизни.

Я всё чаще понимаю, чего хочет он.

И всё реже спрашиваю себя, чего хочу я. Учусь быть удобной и не создавать лишнего напряжения даже случайным жестом.

В моменты кратких примирений, когда в голосе у нас обоих появляется дрожь и усталость, я осторожно пытаюсь сказать ему о том, как больно мне от его грубости и ледяной отстранённости. Как сильно я нуждаюсь в его опоре. Иногда — почти шёпотом, словно даже само право говорить — это уже много.

— Пожалуйста, не говори со мной так резко... Ты мне очень нужен.

Когда ты повышаешь голос, у меня внутри всё сжимается, и я начинаю тебя бояться. А потом ты замолкаешь — и я, будто маленький беспомощный котёнок, остаюсь одна посреди этой холодной тишины. Ты ведь знаешь, здесь у меня никого нет. Ты — мой самый близкий

человек, и я нуждаюсь в твоей поддержке. Мне так хочется, чтобы между нами снова было то спокойствие, которое я чувствовала раньше. Тогда я не боялась подходить к тебе, говорить, ошибаться. Рядом с тобой я чувствовала доверие и безопасность.

Он слушает молча, потом притягивает меня к себе — чуть крепче, чем нужно в такие моменты.

— Моя дорогая, я же просто эмоционально разговариваю. Ты всё воспринимаешь слишком болезненно... Ты же знаешь, как я тебя люблю. Я делаю всё, что нужно для нас.

И в такие моменты я перестаю быть уверенной в собственных словах и ощущениях.

Становится стыдно за сам факт того, что я могу чего-то желать — даже самого малого. Что вообще смею говорить о том, что важно для меня.

И я учусь заранее уменьшать свои желания до размера, который не вызывает раздражения. Просто брать с благодарностью то, что он мне даёт.

Но вот очередная ссора.

Я даже не могу точно вспомнить, с чего она началась. Только ощущение, что я снова что-то не угадала — сказала не тем тоном, не так посмотрела, не так отреагировала.

И снова — молчание. Обычно оно длится несколько дней, которые становятся тяжёлыми не из-за слов, а из-за их отсутствия.

Для меня это самое сильное наказание.

Он живёт своей привычной жизнью.

А я постепенно начинаю жить так, будто моя жизнь — это то, что происходит возле него, но не со мной.

Он проходит мимо, не задерживая взгляда. Как будто я не человек рядом, а просто часть пространства, недостойная его внимания...

А ведь ещё совсем недавно я часто ловила на себе его пристальный, восхищённый взгляд. Настолько долгий, что чувствовала себя центром Вселенной, притягивающим его настолько, что он физически не мог отвернуться.

Он писал мне в течение дня при любой возможности — даже короткие фразы между делами. Я ощущала его желание быть со мной на связи не формально, а постоянно, почти навязчиво.

Тогда мне казалось, что я действительно очень важна для него и занимаю в его жизни много места — не случайного, а естественного, как будто так и должно быть. И в этом ощущении не было сомнений: он действительно тянулся ко мне.

А сейчас... всё совсем иначе.

Теперь я чувствую себя обузой.

На вопрос о том, что происходит, нет ясного ответа.

Есть только обвинения: что я снова недовольна, что мне всегда мало, что я всё усложняю.

И постепенно я начинаю подстраиваться, лишь бы не вызвать его молчание и игнор.

Я должна угадывать то, что не произнесено.

Чувствовать заранее.

Ошибки становятся слишком дорогими — а ними следует исчезновение контакта, как будто меня просто вычёркивают из **его** жизни.

И я перестаю спрашивать.

Не потому, что понимаю. А потому что страшно потерять даже это — редкое, хрупкое присутствие.

Я словно незаметно растворяюсь рядом с ним...

Всё чаще меня посещают отчаянные мысли уехать. Вернуться в свою страну. Просто снова почувствовать, что я есть, что я живая...

— Я дождусь своих документов и уеду из твоего дома. Для меня это важно — я не хочу нарушать закон. Давай просто спокойно проживём это время ожидания, — говорю я тихо, медленно, осторожно подбирая слова.

Он резко меняется в лице. Его челюсть сжимается, в глазах появляется знакомый ледяной блеск и что-то ещё — раньше я не видела в нём этого.

— Если ты хочешь уехать, значит, между нами всё кончено. Я подам на развод. И в этом случае ты никогда не получишь свои документы.

Моё дыхание вдруг обрывается — воздух словно застывает в груди. И только теперь я начинаю понимать смысл его слов.

Нет...

Этого не может быть! Он не может так поступить со мной...

Каждое слово впивается в мой разум и сердце, как нечто острое, ядовитое, неотвратимое.

Это похоже на шантаж, условий которого я не понимаю.

Смотрю на него, не в силах сразу осмыслить услышанное.

По его лицу скользит тень торжествующей улыбки. Он знает, насколько это для меня важно.

— Я подам на развод, и в этом случае ты никогда не получишь свои документы, — произносит он снова, медленно, смакуя каждое слово. Теперь тише, с лёгкой ухмылкой, с видом победителя.

Я проваливаюсь в темноту...

Комната, где обычно рисую, — точнее, место, где прячусь, когда становится совсем невыносимо. Не понимаю, как я здесь оказалась.

Мысли путаются.

Дышать всё ещё тяжело.

Я не знаю, что делать дальше, если он действительно осуществит свою угрозу.

Без документов я не могу уехать домой. И не могу остаться здесь — потому что не смогу работать и позаботиться о себе.

Ловушка захлопнулась!

Мне нужно дождаться документов... Но как — в такой обстановке?

Снять жильё без ВНЖ невозможно.

Гостиница... нет. Слишком дорого.

Остаться в его доме — значит снова исчезнуть в этой тишине. Стать чем-то вроде предмета, который просто не замечают.

Мысли сбиваются, цепляются друг за друга, не складываясь в решение.

Что мне делать?..

— Если ты уже всё решила, то теперь будешь спать здесь, — говорит он, заходя в комнату.

Бросает на маленький диван у стены постельное бельё.

Спокойно.

Без эмоций.

Как будто просто убирает надоевшую вещь на чердак.

Я не сразу понимаю...

Это не временно. Это не ссора.

Это новая реальность...

Именно сейчас вдруг вспоминается, как раньше я засыпала у него на плече с ощущением абсолютной защищённости.

Он обнимал меня так крепко, будто боялся потерять даже во сне.

Иногда я пыталась чуть отодвинуться или повернуться — и он тут же, не просыпаясь, притягивал меня обратно. С такой спокойной уверенностью, будто чувствовал это раньше, чем я успевала пошевелиться. Как будто я могла «ускользнуть» из его досягаемости, раствориться в темноте сна.

Тогда мне казалось, что это и есть близость — жгучая, почти инстинктивная потребность быть рядом, касаться, чувствовать телом, будто иначе между нами могла тихо оборваться живая связь...

Маленький диван у стены кажется мне ещё холоднее.

Комната перестаёт быть просто комнатой. Я чувствую, как она становится границей между нами...

Моё оцепенение прерывает восхитительный аромат еды — тёплый, густой, обволакивающий. Поджаренный лук на сливочном масле, глубокий запах мяса, которое томится на медленном огне. К нему примешивается что-то пряное — паприка, лавровый лист, чёрный перец. Этот запах живой. Он заполняет всё пространство, забирается под кожу, будит воспоминания.

Ещё совсем недавно этот запах означал для меня начало нового кулинарного шедевра.

Я любила наблюдать, как он это делает.

Он готовил так, будто это был его собственный язык, в котором он никогда не сомневался. Всё в его движениях становилось точным и красивым. Он почти не заглядывал в рецепты. Пробовал соус кончиком ложки, чуть морщился, добавлял что-то ещё — немного вина, щепотку соли, неожиданную специю, о существовании которой я раньше даже не знала.

Меня завораживало, как уверенно он чувствует вкус — будто заранее знает, каким должно стать блюдо. Ещё до того, как оно приготовится.

Иногда он что-то быстро рассказывал мне через плечо — про сочетания продуктов, про то, почему сюда нужен именно розмарин, а не базилик, — а сам в это время одновременно переворачивал мясо, помешивал соус и ставил тарелки греться.

Я смотрела на него с восхищением.

А потом наступал мой любимый момент.

Он начинал раскладывать еду по тарелкам.

С такой сосредоточенностью, будто это было важно по-настоящему. Будто ужин для нас двоих — не бытовая мелочь после работы, а маленькое событие, которое нельзя подать кое-как.

Тонкие линии соуса. Зелень сверху. Аккуратно выложенные овощи. Тёплый свет над столом. Два бокала вина.

— За нас и нашу любовь? — улыбался он, слегка поднимая свой.

— За нас и нашу любовь, — отвечала я.

И в эти моменты я чувствовала себя необыкновенно счастливой. Мне казалось, что у нас есть нечто очень редкое и удивительное. Что любовь — это не громкие слова, а вот это: человек, который помнит, какое вино мне нравится, и пробует соус ещё раз, потому что хочет, чтобы мне было вкусно.

Первый кусочек всегда вызывал у меня неподдельный восторг.

Я закрывала глаза и наслаждалась гармонией невероятных оттенков вкуса.

Некоторое время я не могла говорить, поглощённая этим фейерверком эмоций. А когда дар речи возвращался ко мне, начинала хвалить его и благодарить за это великолепие. Настолько эмоционально и искренне, что он смущённо опускал взгляд, будто ему неловко слушать. Но я видела, как ему это нравится.

После моих слов он старался ещё больше. Находил новые рецепты. Придумывал какие-то невероятные сочетания. Украшал тарелки всё красивее.

Иногда утром я находила в холодильнике контейнер с запиской.

Что-нибудь приготовленное специально для меня: пасту с необычным соусом, ещё тёплый киш, салат с запечённой грушей и сыром.

И тогда я чувствовала огромную благодарность за эту трогательную, бережную заботу.

Мой муж умел превращать обычный ужин в незабываемый изысканный праздник.

Наверное, поэтому мне сейчас так больно.

Сегодня он впервые приготовил ужин только для себя.

Не позвал меня.

Не поставил второй бокал.

Не спросил, буду ли я есть.

А я понимаю, что даже не хочу спускаться в столовую. Ведь теперь даже еда стала частью разделённой жизни.

Не хочу случайно встретиться с ним у стола, за которым ещё совсем недавно мы поднимали тосты «за нас».

Как мне дальше жить?

Как существовать в этом доме так, будто я здесь больше не часть его жизни, а человек, которому просто выделили место...

Вдруг я чувствую головокружение и дрожь в теле — мой сахар падает...

Я срочно должна поесть, иначе могу потерять сознание. Здесь, за закрытой дверью, помочь мне будет некому.

Идти на кухню — значит столкнуться с ним и снова испытать боль. От этой мысли я снова ощущаю ком в горле и жжение в глазах.

Автоматически приходит решение: конфеты в сумке на случай гипогликемии.

Так же автоматически я съедаю несколько, вкуса которых не ощущаю.

И тут в голове появляется ясная мысль: я должна найти способ обеспечить себя едой.

Чувствую себя такой слабой, глупой и одинокой.

Как я могла так ошибиться?..

Я ведь сама сюда приехала.

Сама.

Тяжёлой волной меня накрывает злость на саму себя. Почти так же сильно, как страх...

Вдруг хлопает входная дверь.

Я вздрагиваю всем телом.

Выхожу из комнаты и ощущаю стойкий запах мужского парфюма.

Муж ушёл. Он никогда не уходит по вечерам — всегда в это время уже дома, готовится ко сну. Именно поэтому его отсутствие стало звучать громче любого присутствия.

Что всё это значит?

Я сажусь рисовать, просто пытаюсь хоть чем-то занять свои мысли и тело...

Проходит час... второй...

И вдруг ледяная дрожь пронзает моё тело: а вдруг он сейчас с другой женщиной? Вдруг сейчас он дарит другой то тепло, внимание и заботу, которые раньше дарил мне и которых мне сейчас так не хватает. То, ради чего я так стараюсь быть тише и удобнее.

Мне не хватает воздуха...

Я чувствую, как по щеке катится горячая слеза...

Не знаю, сколько прошло времени, пока я задыхалась в рыданиях.

Каждая клеточка моего тела изнывает от боли и бессилия.

Я не могу справиться с этим одна.

Но я стесняюсь попросить помощи у родных и близких. Перед моим отъездом они предупреждали меня о том, что такое решение — уехать в далёкую страну — может привести к непреодолимым сложностям. Отговаривали и просили хорошо подумать.

— Всё будет в порядке. Это моё решение, и я готова нести за него ответственность, — самоуверенно отвечала им я.

И вот сейчас я в точке, где у меня нет ничего своего.

Ни работы, ни друзей, ни привычных улиц, ни людей, которые знали бы моё имя. Весь мой хрупкий мир держится на нём — на его голосе, его улыбке, на чашке кофе, поставленной рядом, на общей постели, на коротких объятиях между делами.

И теперь эта единственная опора исчезает.

И вместе с ней словно исчезаю я сама. Словно вместе с его теплом из моей жизни уходит нечто большее, чем любовь, — уходит право быть. Будто без его внимания, заботы и присутствия я превращаюсь в пустое место, в человека, которого можно не замечать, о котором можно забыть.

И чем сильнее становится эта пустота, тем настойчивее звучит внутри страшный вопрос: если я не достойна даже самого малого — тепла, близости, внимания и заботы, — то, может быть, меня и вовсе не должно быть в этом мире?

В окно дует тёплый летний ветерок, а меня трясёт от холода и отчаяния...

Тьма подступает медленно, заполняя мысли вязкой усталостью...

Сердце колотится так сильно, что я не сразу понимаю, где нахожусь.

Потолок, люстра, серый рассвет за окном кажутся чужими. Реальность возвращается медленно и неохотно.

Я не хочу просыпаться, не хочу начинать этот день заново. Хочу вернуться туда — в сон, который только что отпустил меня.

Там не было ни стен, ни времени. Лишь бесконечная темнота, живая и глубокая, как ночное небо между звёздами. Она не пугала. Напротив, в ней было что-то удивительно родное.

Посреди этой бесконечности медленно вращалась огромная светящаяся воронка. Внутри неё кипела какая-то невидимая работа. Сотни, тысячи людей, душ или теней были заняты одним делом. Настолько важным, что никто не отвлекался ни на мгновение.

Я наблюдала за ними со стороны. Они что-то создавали.

С бесконечным терпением подбирали и соединяли мельчайшие детали. Словно великий художник в момент создания полотна, которое уже никогда нельзя будет переписать.

И вдруг я поняла: они создавали меня.

Не тело. Не лицо.

Что-то гораздо более хрупкое и драгоценное.

Ту меня, что будет чувствовать этот мир именно так, как чувствую его я, — через свой неповторимый узор.

Они подбирали черты характера и вплетали в них уникальный калейдоскоп эмоций и чувств. Создавали мою способность воспринимать жизнь именно так, а не иначе... То, какие закаты будут трогать меня до слёз, какие слова останутся в памяти на годы, каким людям я открою сердце, а мимо каких пройду...

Они словно настраивали тысячи едва заметных струн внутри меня, чтобы однажды из них сложилась единственная в своём роде мелодия моего естества.

Их было бесконечно много. Станным образом я знала каждого. Даже тех, кого никогда не встречала. Во сне я точно знала: это были мои люди. Мой род. Все, кто когда-либо жил до меня.

Они работали так бережно и увлечённо, словно создавали величайший шедевр своей жизни.

И тогда меня захлестнуло чувство, которого я никогда прежде не испытывала.

Я прочувствовала, насколько ценна.

Не за достижения.

Не за красоту.

Не за пользу и не за жертвенность.

Просто потому, что я есть.

Словно тысячи рук собирали меня по крупицам целую вечность...

А потом всё произошло очень быстро.

Мелькнуло лицо матери. Лицо отца.

Короткая вспышка света.

И вот я уже здесь. В своей постели.

Смотрю на люстру и моргаю, будто последние настройки между двумя мирами ещё не завершены.

Сон постепенно уходит, но чувство остаётся. Огромное, тёплое, необъяснимое. Будто внутри меня открылось какое-то пространство, о существовании которого я раньше не знала.

От этого кружится голова и перехватывает дыхание. Я лежу, боясь пошевелиться, словно одно неосторожное движение может разрушить это хрупкое и одновременно невероятно мощное ощущение.

Но тут память возвращает меня во вчерашний вечер.

Хлопнувшую дверь.

Шлейф знакомого парфюма.

И мысль, от которой внутри всё медленно сжимается...

Но сегодня чуть иначе, чем вчера.

Будто что-то из сна не позволяет этой боли сомкнуться до конца.

Она всё ещё здесь. Но рядом с ней теперь живёт другое чувство.

Тихое. Едва различимое.

Словно где-то очень глубоко внутри меня продолжает звучать голос той бесконечной воронки звёзд, напоминающий о чём-то важном, что я пока ещё не могу понять.

О чём-то, что сильнее моего отчаяния.

— Как прошла твоя вчерашняя романтическая встреча? — первым делом спрашиваю я, спускаясь утром в столовую. Ком в горле почти не даёт мне говорить, но неизвестность мучает сильнее.

— Мы с сыном были в кино.

Я выдыхаю — и железная хватка, державшая тело, начинает ослабевать. Медленно, почти неохотно. И в грудь наконец свободно входит воздух.

Вместе с этим приходит мысль: он не изменял мне этой ночью.

И почти сразу за ней — другая, более тихая: он верен мне. Я всё ещё важна для него.

Он просто был с сыном.

Другая женщина, его тепло, отданное ей, — это неправда.

Быстро отвожу взгляд, чтобы он не увидел слёз.

Господи. Как мало, оказывается, мне сейчас нужно для счастья.

Пусть он бывает резким. Пусть я чувствую себя тенью в его доме. Но он остался верен мне.

Сейчас мне этого достаточно.

— Возможно, ты судишь меня по себе.

Его слова жалят в самое больное место.

Я чувствую, как внутри всё бессильно сжимается.

Молчание в доме стало чем-то привычным и одновременно мучительным, как старая рана, которую невозможно окончательно залечить.

Еда появляется на кухне — он покупает то, что считает нужным, как и раньше.

Но что-то изменилось.

Негласно.

Без слов.

Появилась граница, которую никто не объявлял, но которую мы оба чувствуем.

Я начала покупать еду для себя.

Немного.

Маленький йогурт.

Булочку.

Овощи.

То, что не занимает много места в холодильнике, не выдаёт моего присутствия слишком явно.

Я хожу в маленький магазин неподалёку и беру только самое простое и необходимое. То, что можно быстро взять и уйти к себе, пока мы не столкнулись на кухне.

Иногда чувствую, как всё моё тело сжимается в тот момент, когда я открываю холодильник. Я беру своё — и всё равно стараюсь не шуметь, не задерживаться, не попадаться на глаза. Хочется просто исчезнуть на несколько секунд, раствориться в пространстве кухни, стать чем-то совершенно незаметным.

И в этом есть тихое, почти невыносимое ощущение предательства самой себя — той прямой, ясной и честной, которая всегда открыто брала своё и не пряталась. А сейчас я будто уменьшаюсь внутри себя, чтобы выдержать этот момент и просто выжить.

Но я делаю это. Я должна регулярно есть и следить за уровнем сахара — иначе это становится опасно.

Я говорю себе: нужно только немного продержаться.

Документы должны прийти совсем скоро.

Почти вот-вот — уже близко.

Это «почти» иногда становится почти осязаемым, как будто оно существует где-то рядом, в пределах досягаемости, и его можно случайно не заметить, если отвлечься.

Днём я занимаюсь мелкими домашними делами и продолжаю изучать французский, а вечерами ухожу из дома.

Не потому, что мне есть куда идти.

И не потому, что мне там хорошо.

Я просто сбегая оттуда, где любое моё присутствие становится поводом для раздражения, даже если оно ничем не объясняется.

Стараюсь исчезнуть незаметно.

Так же незаметно я вернусь, когда муж уже уснёт.

Закрываю дверь осторожно, почти без звука — не из страха, а из привычки быть как можно тише.

Дом остаётся за спиной тяжёлым, как комната без окон. Не враждебным в прямом смысле, но в нём у каждого есть своё место, и моё там всегда чуть неуместно, чуть лишнее.

Снаружи дышится совсем иначе.

Летний вечер ещё тёплый, но уже с лёгкой прохладой.

Мягкий густой воздух пахнет сухими пряными травами, нагретым камнем старых улиц и чем-то сладким, медовым, чуть смоляным. Где-то далеко угадывается море по едва заметной солоноватой влажности, которая появляется к вечеру, когда жара наконец отпускает.

Мне нравится вдыхать этот воздух, смотреть на золотистый свет, в котором стены старинных домов кажутся почти сказочными.

Я брожу по этим улицам так же незаметно, как передвигаюсь дома.

Мимо старых домов.

Мимо людей, которые смеются и разговаривают.

И никто из них не догадывается, что рядом проходит женщина, которая так давно не чувствовала простого человеческого присутствия — взгляда, обращённого к ней без раздражения и молчаливого наказания. Которая так скучает по живому общению, от которого внутри становится тепло.

И вдруг, на мгновение, я вспоминаю недавний сон.

Не события — только ощущение. То самое спокойное, почти детское чувство, которое осталось после пробуждения. Будто тогда я была на своём месте. Будто моё существование само по себе было достаточной причиной занимать место в этом мире.

Я пытаюсь задержаться в этом состоянии ещё хоть на миг. Не разобрать его и не объяснить себе — просто не дать ему исчезнуть. Оно тёплое и хрупкое, как солнечный блик на воде: стоит чуть сильнее всмотреться — и он распадается на рябь.

Через несколько секунд от него остаётся лишь слабый след где-то внутри. Но даже этого достаточно, чтобы шаги стали чуть легче.

Впереди появляется небольшое уличное кафе. Столики стоят прямо на каменной мостовой — немного неровной, вытертой тысячами шагов и повидавшей немало жизней за сотни лет.

Как обычно, прохожу мимо, почти не задерживая взгляда, и вдруг — чашка.

Белая. Простая и такая знакомая.

На одном из столиков.

Она стоит рядом с кем-то невидимым в этот момент — будто сама по себе, в маленьком островке тишины среди движения улицы.

Даже дышать я начинаю тише, словно боясь спугнуть мгновение. Тело становится ваты, и я не сопротивляюсь этому. Почти неосознанно сворачиваю к свободному столику.

Камень под ногами тёплый, воздух густ от разговоров и кофе — здесь ощущается лёгкое движение жизни.

Я заказываю кофе.

И почти сразу ловлю себя на тихом ожидании — не просто напитка, а самой формы момента. Той же белой чашки, той же простоты, в которой вдруг можно будет снова оказаться внутри себя, как когда-то давно.

Мой дом на далёкой родине.

Моя кухня.

Тёплая, живая, наполненная тем, что мне было по-настоящему дорого.

Пространство, собранное мной до мелочей.

Там я была хозяйкой — не только дома, но и своей жизни.

Мне очень нравилось варить кофе в стеклянной турке. Ощущать, как кухня наполняется этим густым запахом, который обволакивает и будто заранее обещает удовольствие.

А потом — первый глоток из любимой чашки. Я просто замирала в этом мгновении, не спеша возвращаться в следующий.

Там мне не нужно было угадывать.

Не нужно было сжиматься.

Не нужно было подстраиваться под чужое настроение.

Там я могла быть собой.

Свободно. Тихо. Без усилия.

Как давно это было.

Словно в другой жизни.

Словно это была другая я...

Слезу на своей щеке я замечаю не сразу. Смахиваю её машинально.

— Мадам, всё в порядке? Могу ли я чем-то помочь?

Голос тихий.

Без навязчивости.

Я поднимаю глаза.

За соседним столиком сидит мужчина.

Он говорит по-французски. И я с удивительной лёгкостью всё понимаю.

Его взгляд спокоен.

Без жалости. Без любопытства.

Просто с участием.

— Всё в порядке, благодарю вас за заботу, — отвечаю я тоже по-французски с лёгкой вежливой улыбкой.

Он спрашивает, откуда мой акцент.

Я отвечаю.

И мы начинаем разговаривать.

Не спеша. Спокойно и просто.

Я подбираю слова. Иногда запинаюсь.

— Вы хорошо говорите по-французски. И ваш акцент едва замечен, — говорит он так легко и естественно, что я смущённо улыбаюсь.

И вдруг замечаю, что начинаю говорить длиннее обычного.

Не обрываю фразы на середине.

Не пытаюсь заранее сократить мысль, чтобы не утомить собеседника своим присутствием.

Между нами возникают паузы.

Спокойные.

Те самые, в которых не нужно срочно оправдываться за своё существование.

Я понимаю его почти без усилий.

И от этого внутри поднимается что-то тёплое и почти забытое — ощущение того, как легко мне когда-то было рядом с людьми.

Случайные женщины в очередях рассказывали мне свои истории.

Дети начинали улыбаться через пять минут общения и легко делились со мной своими маленькими важными историями — так, будто чувствовали, что их действительно слышат.

Незнакомые люди оставались рядом дольше, чем собирались.

Мне всегда были интересны люди.

И, кажется, когда-то людям тоже было легко и интересно рядом со мной.

По коже бегут мурашки, словно тело первым чувствует, как ко мне возвращается что-то очень важное — почти утраченное ощущение самой себя.

Это первый живой разговор за долгое время с кем-то, кроме моего мужа.

Настоящий разговор.

Когда двое смотрят друг другу в глаза и слышат друг друга.

Я говорю. И вдруг понимаю: мне есть что сказать.

Я интересна.

Мой голос — не помеха, не раздражение, не повод для недовольства.

Просто голос.

Живой.

Мой.

Когда я выхожу из кафе, на улице ещё светло.

Мне не хочется спешить.

В груди — приятная лёгкость.

Внутри тихо. Но иначе, чем обычно.

Не та тишина, в которой я уменьшаюсь.

Другая — та, в которой я снова становлюсь собой.

После того сна и разговора за чашкой кофе внутри меня ещё долго держалось ощущение чего-то едва уловимого, но очень живого.

Я стала замечать, что постепенно начинаю думать о себе больше, чем о чужом настроении.

Вчера вечером мой муж снова ушёл.

Молча, но с тем ярким шлейфом мужского парфюма, который остаётся после ухода на важную встречу...

А я не ощутила внутри привычного сжатия.

Не прокручивала возможные сцены.

Не прислушивалась к звукам шагов.

Просто спокойно занималась своими делами, а потом легла спать.

Сегодня утром я проснулась с непривычным ощущением покоя внутри.

Занималась обычными делами и неожиданно поймала себя на мысли, что впервые за долгое время не жду ничего плохого.

Вдруг — стук в дверь моей комнаты.

Обычно он сюда почти не заходит.

— Ты сегодня никуда не собираешься? — его вопрос звучит так естественно, будто между нами не было ни этого молчания, ни его холодной дистанции.

— Нет.

Он кивает, будто именно это и хотел узнать. Но остаётся стоять в дверях.

— Тебе даже не интересно, где я был вчера?

Я поднимаю на него глаза.

— Ты взрослый человек. Ты сам решаешь, где и с кем тебе быть...

Он не отвечает.

И я впервые не замираю в ожидании последствий своих слов.

Снова вечер, и я снова прогуливаюсь по привычному маршруту, почти не замечая, как ноги сами выбирают знакомые повороты — те, что уже давно стали частью внутренней карты города.

Вот вдаль показались столики того самого кафе. И сразу напомнили мне о кофейной чашке — а потом о неожиданной, почти случайной беседе с незнакомцем.

Это даже не воспоминание — скорее ощущение, что здесь недавно произошло что-то важное, но ещё не успело стать прошлым.

Тогда всё казалось эпизодом — коротким, почти случайным, но сейчас воспринимается иначе. Как будто между «тогда» и «сейчас» пролегло больше времени, чем есть на самом деле.

Подходя ближе, я замечаю своего недавнего знакомого, который сидит на том же месте. С книгой.

Он настолько погружён в чтение, что чашка кофе неподвижно застыла в его руке. Судя по всему, напиток давно остыл, но это сейчас неважно.

Мне так знакомо волшебное состояние, когда мир сужается до строки, до дыхания текста, до внутренней тишины — она становится важнее любого внешнего шума. Я невольно расплываюсь в улыбке и решаю просто незаметно пройти мимо. Мне не хочется разрушать этот момент — его концентрацию, ту сосредоточенность, которую я очень хорошо понимаю...

Но в ту же секунду он поднимает на меня глаза.

И улыбка сразу же озаряет его лицо, как отражение.

Не формальная, а та, что возникает у людей, будто продолжающих один и тот же разговор, даже если между ними ещё нет слов.

— Вы всегда появляетесь в самые удачные моменты, — говорит он, чуть приподняв книгу. — Я как раз дошёл до фрагмента, который перечитываю не в первый раз.

Он чуть наклоняет голову, словно прислушиваясь к своим словам.

— Это из Экзюпери. «Маленький принц». «Мы в ответе за тех, кого приручили», — произносит он спокойно и задумчиво. — Меня всегда поражало, как много смысла и глубины в этой короткой фразе. Про связь. Про ответственность. Про то, что, если впускаешь кого-то в свою жизнь, то уже не можешь быть полностью отдельным.

Он замолкает.

Я киваю.

— Да... действительно, — говорю я тихо. — В этом есть важный смысл. Про то, что, если ты кого-то впускаешь в свою жизнь, ты уже не можешь быть безучастным.

Пауза.

Я смотрю на книгу, но как будто не на неё, а сквозь.

— Но, возможно, там есть ещё кое-что... Не только тот, кто приручает, берёт на себя ответственность. Тот, кто позволяет себя приручить, тоже оказывается внутри этого выбора. Через доверие он отдаёт себя другому — и становится уязвимым.

Мысль приходит так внезапно, что я на мгновение сама замираю. И только произнеся её вслух, вдруг понимаю, что отвечаю не столько ему, сколько самой себе.

— Наверное... потому что постепенно начинаешь опираться на его взгляд. Сверять с ним то, что чувствуешь.

Пауза.

— А потом вдруг замечаешь, что уже всё меньше решаешь сам.

Его взгляд задерживается — не на лице, а на сказанных словах.

— Интересно, — наконец говорит он. — Обычно в этой фразе слышат только одну сторону.

Я чуть киваю.

— Я тоже раньше слышала только одну.

И только сейчас я чувствую, что вторая никогда не была новой — просто её было слишком неудобно замечать.

Его пальцы начинают слегка постукивать по обложке книги, словно возвращая нас из тишины, которая возникла между нами.

— Забавно, — говорит он. — Я перечитываю эту книгу много лет. И каждый раз нахожу в ней что-то, чего раньше не видел.

— Да, я тоже...

Он улыбается.

— Удивительно, но мне до сих пор не известно ваше имя.

Я невольно смеюсь.

— До сих пор это было не так важно.

— Возможно.

Он тихо смеётся в ответ, закрывает книгу и протягивает руку так естественно, будто не представляется впервые, а просто продолжает давно начатый разговор.

— Я — Поль.

Я называю своё имя.

— Приятно познакомиться официально, — говорит он.

На мгновение мне кажется, что это звучит немного странно. Будто мы знакомимся не сейчас, а подтверждаем что-то, что уже произошло раньше.

Потом он бросает взгляд на почти пустую чашку.

— Вообще-то я довольно часто здесь бываю.

Он слегка касается пальцем края блюда.

— Хороший кофе. Живописное место.

На секунду задумывается.

— И иногда — интересные беседы...

Тогда это казалось просто ещё одним мимолётным разговором за чашкой кофе.

Но теперь мы видимся с Полем чаще. Слишком регулярно, чтобы продолжать считать это случайностью.

Мы пьём кофе, разговариваем.

О книгах, о путешествиях, о французских словах, которые никак не хотят мне покоряться.

И постепенно я замечаю, что рядом с ним говорю свободнее.

Не так зажато, не взвешивая каждую фразу прежде, чем произнести её вслух.

Слова приходят легче, сами.

Французский перестал быть экзаменом и снова становится языком.

Я ловлю себя на том, что ничего от него не жду. Ни романтики, ни обещаний, ни спасения.

Он, возможно, был бы не против, чтобы это переросло во что-то большее. Мне иногда так кажется. Но однажды я просто рассказала ему о том, что у меня есть муж, есть сложная ситуация, есть ожидание документов, которые дадут мне право просто уехать, не нарушая закон. Он внимательно выслушал меня, не задавая лишних вопросов. После этого разговора между нами ничего не изменилось.

Мы по-прежнему иногда встречаемся за кофе.
Просто теперь между нами стало меньше недосказанности.
Я понимаю главное: рядом с ним я снова чувствую себя живой.
Словно по крупинкам возвращаю себе себя. И меня немного пугает, как легко это состояние возвращается рядом с почти незнакомым человеком.

Но прежней лёгкости при взаимодействии с другими людьми у меня ещё нет.
Раньше общение было для меня чем-то настолько естественным, что я не задумывалась, какую внутреннюю опору оно мне давало. А сейчас, стоит мне подумать о том, чтобы заговорить с кем-то, как всё внутри словно рассыпается.

При этом всё настойчивее появляется потребность расширить свой круг знакомств, выйти чуть дальше привычных границ.

И вот, два дня назад, произошло кое-что.
Небольшое событие, которое для меня оказалось важнее, чем можно было бы подумать.
Возле старинной церкви, где я люблю гулять по вечерам, есть маленький сквер. Люди приходят туда просто посидеть, поболтать и поделиться новостями. Я часто видела там компанию женщин, которые увлечённо что-то обсуждали.

Раньше я просто проходила мимо, немного завидуя их лёгкому, живому общению и не решаясь заговорить. Боялась показаться скованной и неловкой из-за языкового барьера.

Но в тот вечер одиночество и тоска по живому контакту оказались сильнее страха. Я решила и подошла к ним.

— У вас очень красивый и старинный город. Вы давно здесь живёте? Я бы хотела узнать его лучше. Расскажите мне о нём, пожалуйста.

Женщины повернулись ко мне с лёгким удивлением, будто не сразу поняли, что обращаются именно к ним. Но уже через мгновение их лица оживились — словно им предложили говорить о том, что они по-настоящему любят. Они охотно начали рассказывать мне истории и легенды о старинной церкви, о местных рынках, о том, где пекут самый вкусный хлеб и как можно провести здесь свободное время.

Они много смеялись и перебивали друг друга — казалось, каждая вспоминает своё ещё до того, как предыдущая успевает закончить.

Софи говорила быстрее всех и смеялась так заразительно, что вскоре начинали смеяться и остальные.

Виктория любую мелочь превращала в маленькое приключение — поход в супермаркет, разговор с соседкой или сломавшийся чайник.

А Клара время от времени бросала короткие замечания, после которых беседа неизменно сворачивала в сторону смеха.

Я понимала не всё. Иногда теряла нить разговора, не успевала уловить отдельные слова. Но главное — я чувствовала их тепло и живой интерес ко мне.

Они расспрашивали меня о моей стране, о городах, о людях и традициях. И я рассказывала... на французском... подбирая слова, чтобы как можно точнее и живее описать им свою родину.

И в какой-то момент я поймала себя на том, что мне не хочется замолкать.

Они слушали внимательно, без спешки. И в этом было что-то очень простое и тёплое — то, чего мне так не хватало здесь...

Домой я возвращалась словно окрылённая, не в силах сдерживать улыбку. Моё тело ощущалось непривычно лёгким, дыхание — глубже и свободнее, а в груди появилось тихое, едва заметное движение — как первый взмах крыльев после долгой неподвижности.

И в этом состоянии во мне словно начала пробуждаться прежняя я. Та женщина, которой я была раньше.

Живая. Лёгкая. Уверенная.

Та, что легко знакомилась с людьми, смеялась, поддерживала разговор, не боялась занимать место в пространстве. Она по-настоящему любила жизнь — и это чувствовалось в каждом её слове, в каждом движении.

И вдруг я с болезненной ясностью осознала: когда-то мой муж полюбил именно такую женщину. Не испуганную тень, которая боится лишний раз что-то сказать или захотеть. Не ту, что постоянно сжимается и угадывает чужое настроение.

А другую.

Возможно, за эти месяцы я слишком сильно исчезла.

Растворилась в напряжении, в ожидании документов, в попытках сохранить живое взаимодействие и хоть какое-то тепло между нами.

Господи, неужели это я? — мысль ударила внезапно и безжалостно.

Я вдруг увидела себя со стороны — и меня пронзило острое, почти физическое отвращение.

Убогая. Потухшая.

Как я вообще до этого дошла... Я даже не заметила.

Но сейчас внутри меня что-то начинало оживать и возвращаться.

Совсем понемногу.

Я чувствовала это сама.

И, кажется, муж это тоже чувствовал.

В тот вечер я зашла домой, и он ещё не спал. В комнате горел мягкий свет. Он был чем-то занят. Задал какой-то простой бытовой вопрос, почти автоматически.

Я ответила спокойно, впервые без привычного внутреннего сжатия.

Он задержал на мне взгляд чуть дольше, чем обычно. Не демонстративно — скорее так, будто заметил во мне что-то новое.

И остался рядом. Не ушёл в телефон, не оборвал разговор. Начал спрашивать о каких-то мелочах дня — коротко, почти буднично. Потом вдруг что-то рассказал сам: незначительное, бытовое, как будто просто удерживал нить разговора.

Я отвечала спокойно. И в этом спокойствии было давно забытое ощущение интереса — к себе и к тому, что между нами сейчас происходит.

— Если хочешь, можешь вернуться в нашу спальню.

От этих слов у меня болезненно сжалось сердце. Мне вдруг показалось, что к нам снова может вернуться тепло и нежность. Обычно это происходит, когда я не спорю, ничего не прошу, просто остаюсь рядом и благодарю его за то, что он даёт.

Вот и в тот момент мне снова захотелось прильнуть к нему, показать, как я рада возвращению мира и покоя в наши отношения. Я уже потянулась к нему, но что-то остановило меня.

«Со мной так больше нельзя! — прозвучало внутри. — Нельзя выгонять меня, а потом снисходительно позволять вернуться, как ни в чём не бывало...»

Я медленно выдохнула, словно возвращая себе самообладание.

А потом глубоко вдохнула и произнесла:

— Хорошо, — раздираемая противоречивыми мыслями и чувствами, я продолжала неотрывно смотреть ему прямо в глаза. — Но это был первый и последний раз, когда во время ссоры ты выгнал меня из нашей спальни. Я вернусь, только если ты пообещаешь мне, что, если тебе снова понадобится отстраниться, в следующий раз уйдёшь ты.

Муж замер на несколько секунд, всматриваясь в меня. В его взгляде мелькнуло удивление. Он ответил не сразу, словно проверяя, насколько серьёзно я настроена.

— Обещаю...

Я понимаю, насколько сильна моя зависимость от него — финансовая, бытовая, эмоциональная.

Иногда мне кажется, что я становлюсь для него обузой.

И в такие моменты внутри поднимается тревожная мысль: возможно, именно поэтому он постепенно отдаляется, теряет ко мне интерес.

Я ловлю себя на желании как можно быстрее встроиться в социальную жизнь, найти работу, стать устойчивее — не только для себя, но и для нас.

Для нашей семьи.

В один из ближайших вечеров я предлагаю мужу:

— Давай сегодня вечером прогуляемся вместе. Я познакомлю тебя с моими новыми друзьями.

Мне хочется показать ему, что я делаю шаги. Что возвращаюсь в жизнь. И — если честно — хочется снова увидеть в его глазах гордость и прежнее восхищение мной — яркой, полной жизни, открытой миру.

Я надеюсь, что это сделает наши отношения живее и теплее.

Софи, Виктория и Клара на своём привычном месте у церкви — в том самом сквере, где их разговоры всегда звучат громче, чем кажется возможным для этого тихого города. Увидев меня, они сразу оживляются:

— Мы с нетерпением ждём фотографии твоей родины, того места, откуда ты приехала. Нам очень интересно всё это увидеть.

Я чувствую внутри лёгкое волнение — почти детское, радостное — и сразу достаю телефон, где хранятся фотографии.

Софи первой тянется ближе к экрану...

Начинаю листать их, комментируя, всё глубже погружаясь в воспоминания.

Бескрайние степи и горы.

Огромное небо с длинными закатами.

Города с широкими проспектами, парками, утопающими в зелени, современными стеклянными фасадами и витринами, в которых отражается небо.

И рядом — старые кварталы, где время будто замедляется. Голубые купола мечетей, покрытые тонкой, почти ювелирной мозаикой, уходят вверх так легко, будто не держат камень, а удерживают само небо. Резные орнаменты, сложные, почти кружевные, словно вырезанные не руками, а самой тишиной.

В этих городах всё сразу: движение и тишина, современность и глубина веков.

Я ловлю себя на том, что говорю быстрее, чем обычно. Мне правда хочется, чтобы они это увидели и почувствовали.

Я показываю — и вижу, как они замирают. В их взгляде появляется тихое, внимательное восхищение.

То самое, которое я надеюсь увидеть в глазах мужа.

Я оборачиваюсь к нему.

Его лицо на секунду будто застывает — не выражает ничего, но в этой неподвижности есть что-то плотное, закрытое. Взгляд чуть дольше задерживается на мне, потом перемещается на телефон, на женщин рядом.

И в этом взгляде появляется короткое, едва заметное движение — как если бы внутри что-то сжалось и тут же было удержано. Лёгкое раздражение, почти незаметное, но холодное, как металл под кожей.

Он не комментирует. Не улыбается. Только чуть сильнее сжимает челюсть и отводит взгляд на долю секунды раньше, чем это выглядит естественно.

И этого достаточно.

Я впервые ясно чувствую: то, как он смотрит на меня, постепенно становится тем, как я начинаю смотреть на себя.

Внутри у меня что-то сбивается.

Голос спотыкается о воздух.

Я быстро заканчиваю разговор, мы уходим — и сразу чувствую, как проваливаюсь в неподвижную, вязкую темноту.

Иду молча, стараясь не смотреть на него.

Постепенно между шагами возникает ледяное ощущение: будто я снова пересекла невидимую черту, к которой мне не следовало приближаться. Ту самую границу между моей жизнью и тем, насколько далеко мне позволено в ней быть.

И тем самым снова заслужила его отстранённость и холод...

Вечерами я по-прежнему выхожу из дома и долго брожу без цели и направления. Просто чтобы не оставаться там, где всё чаще ощущаю себя лишней — почти незаметной даже для самой себя.

У меня появились места, куда я возвращаюсь снова и снова, и где чувствую себя уютно и легко.

И всё чаще внутри возникает одна навязчивая мысль: мне нужно чем-то заняться. Мне обязательно нужно чем-то заняться. Тем, что по-настоящему интересно мне и может быть нужно ещё кому-то, кроме меня самой.

Иначе я просто не выдержу эту тишину.

Я очень хочу работать, но не могу — здесь, во Франции, без документов это невозможно.

Я продолжаю терпеливо ждать.

Просить что-то у мужа я тоже больше не могу. Каждое «потом» и «в другой раз» для меня звучит как вежливый отказ. Будто всё, что мне действительно интересно, — это нечто второстепенное и неважное, то, что не принято воспринимать всерьёз. А без него или его участия я пока слишком мало могу здесь сделать сама.

«Я уже делаю для тебя всё, что могу...» — после этих слов я начинаю сомневаться в своём праве чего-то хотеть. Будто моя просьба уже сама по себе — слишком много.

Тут же торопливо объясняю самой себе, что он прав. Что сейчас неподходящее время. Что есть вещи важнее и можно подождать.

И каждый раз замечаю, как через несколько минут мне уже становится стыдно за то, что я вообще позволила себе что-то захотеть.

Но есть то, по чему я скучаю особенно остро.

Творчество.

Возможность создавать красоту, в которой есть жизнь. Но я даже не позволяю себе об этом думать.

Потому что знаю: «это дорого» ... или «не сейчас...»

Потому что знаю: я не смогу снова просить и получать отказ.

В один из таких тоскливых вечеров я иду по привычному маршруту. Ни о чём не думаю.

И вдруг останавливаюсь...

На первом этаже одного из домов — большое окно. Это мастерская художника, мимо которой я проходила много раз, но раньше не видела там никого.

За стеклом — мужчина с седыми, слегка выющимися волосами до плеч и такой же густой седой бородой. Лицо немолодое, но живое, с тем спокойствием, которое бывает у людей, давно привыкших смотреть вглубь, а не по сторонам.

В его облике нет ничего показного, но есть то, что сразу выдаёт в нём художника — ощущение человека, для которого работа стала естественным состоянием. В его движениях чувствуется привычка к кисти, к краске, к долгим часам сосредоточенной тишины, в которой постепенно появляется форма и образ.

Он стоит у холста и пишет.

Я замираю.

Просто стою и смотрю, как маленькая девочка смотрит на платье в витрине дорогого магазина.

Как он ведёт кистью...

Как смешивает краски...

Как из пустоты рождается изображение...

И внутри что-то резко, почти болезненно откликается. Как будто меня кто-то позвал. Я понимаю, что не могу просто уйти, и решительно подхожу к двери. Но вдруг останавливаюсь.

Что я ему скажу?

Что я просто хочу посмотреть, как незнакомый человек пишет картину?

Что мне просто некуда деть эту тоску?

Что я скучаю по запаху краски сильнее, чем готова признаться самой себе?

Рука уже лежит на дверной ручке, но я пока не решаюсь.

Ещё можно развернуться и уйти. Вернуться домой. Сделать вид, что ничего не произошло. Что мне всё это не нужно.

Сердце начинает биться так быстро, что на мгновение становится трудно дышать. И, прежде чем успеваю передумать, я быстро стучу в дверь.

Мир на мгновение плывёт...

Мужчина открывает с улыбкой и интересом.

Я смущаюсь, но всё же говорю:

— Добрый день! Можно мне посмотреть, что вы пишете? Я тоже художник, дизайнер...

Моя родина далеко отсюда. И я просто... очень соскучилась по всему этому.

Он смотрит на меня спокойно. Кивает.

— Теперь понятно, откуда ваш акцент. Я — Анри, — говорит он с лёгкой улыбкой и гостеприимно пропускает меня внутрь.

Я машинально называю своё имя, потому что мыслями я уже возле его мольберта.

В мастерской пахнет краской, деревом, чем-то тёплым и живым.

Я подхожу ближе к холсту. Это простой пейзаж: тихая река, над ней лёгкий мост, почти растворённый в воздухе. На дальнем берегу — деревья, едва намеченные кистью, словно художник не столько писал их, сколько позволил им появиться.

И я вдруг узнаю не сюжет, а это тихое чувство рождения живого под кистью — когда мир появляется из ничего и начинает дышать.

— Продолжайте, пожалуйста, — тихо говорю я, затаив дыхание. — Если можно, я просто посмотрю.

Он улыбается и продолжает работать.

Мы говорим о творчестве, об интересных приёмах в живописи. Легко и непринуждённо. Иногда я ищу правильные слова на французском, но мне спокойно.

И вдруг у меня вырывается:

— Я бы очень хотела рисовать вместе с вами! Возможно, если у вас появится большой заказ, то я могла бы вам помочь... Я давно не брала в руки холсты и краски... но сейчас я чувствую нестерпимое желание сделать это... словно внутри меня скопилось то, что больше невозможно удерживать.

Он смотрит на меня чуть внимательнее.

И вдруг спрашивает:

— Ты хочешь порисовать?

Я почти сразу отвечаю:

— Очень. Но у меня почти ничего для этого нет.

Он молча уходит в другую комнату и возвращается с холстом, кистями и красками. Ставит всё передо мной.

— Рисуй, что хочешь.

Я застываю в нерешительности.

Не верю, что это действительно происходит со мной.

Потом беру кисть. Несколько секунд просто держу её в руке. Провожу большим пальцем по деревянной ручке. Смотрю на чистый холст и чувствую, как мне страшно сделать первый мазок.

Вдруг выяснится, что всё исчезло?

Что за это время я разучилась?

Что во мне больше ничего нет?

Я осторожно касаюсь кистью поверхности. Оставляю едва заметный след. Потом ещё один.

И в этот момент внутри словно срабатывает незримый спусковой крючок.

Большой кистью я наношу первые крупные, динамичные мазки. И... расплываюсь в улыбке. Каждый мазок словно драгоценный вдох. Словно доказательство того, что я всё ещё живая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.